

История СССР за рубежом

ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

А. А. БАРСОВ

В последние годы буржуазная историография проявляет все больший интерес к проблемам развития советского сельского хозяйства. В США, Англии, ФРГ, Франции, Италии и других странах появились десятки специальных монографий и журнальных статей на эту тему. Вопросами развития сельского хозяйства СССР занимаются многие научно-исследовательские учреждения, созданные на Западе для изучения Советского Союза, причем в ФРГ имеются два института, которые ведут работу преимущественно в этой области.

Внимание буржуазных историков, экономистов и социологов к советскому сельскому хозяйству не является случайным. На протяжении почти трех десятилетий буржуазная литература называла социалистическое сельское хозяйство «ахиллесовой пятой» советской общественной системы, не устая предвещая его быстрый крах. Успехи сельскохозяйственного производства в последние годы, мероприятия Коммунистической партии по дальнейшему развитию и упрочению колхозного строя, рост благосостояния советского крестьянства спутали карты западных прорицателей. «Если советским руководителям удастся осуществить поставленные цели по подъему сельского хозяйства, ... советская экономика очень усилится, что, в свою очередь, может побудить «соседей» Советского Союза последовать его примеру», — сокрушался профессор Колумбийского университета Ф. Мосли, один из руководителей американского советоведения¹. Каких соседей советской страны Мосли имел в виду, разъяснил западногерманский экономист-аграрник Отто Шиллер, признавший, что «пропагандистский пример советской аграрной системы оказывает свое воздействие» на молодые государства Азии². В этой связи участники международного симпозиума советоведов, состоявшегося в 1958 г. в Бад-Аусзее, с особенной настоятельностью подчеркивали необходимость усиления пропаганды в азиатских странах против советского опыта антифеодальных и антикапиталистических преобразований в деревне³. В качестве альтернативы советскому образцу О. Шиллер рекомендует народам молодых государств, обретших независимость, развивать сельское хозяйство по прусскому образцу⁴.

¹ См. предисловие Ф. Мосли в книге Н. S. Dinerstein. Communism and the Russian Peasant, Glencoe, 1955, p. IX.

² «Osteuropa», Jg. 5, H. 6, 1955, S. 406.

³ См. «Osteuropa», Jg. 8, H. 12, 1958 и Jg. 9, H. 1, 1959.

⁴ Там же, Jg. 5, H. 6, 1955, S. 408.

Внимание буржуазного советоведения к проблемам советской аграрной политики объясняется, однако, не только боязнью влияния советского опыта на молодые государства Востока, стоящие перед выбором того или иного пути социального и экономического развития.

В неменьшей мере оно вызвано положением в сельском хозяйстве развитых капиталистических стран, особенно таких, как Франция и Италия, где углубляющийся аграрный кризис ставит перед крестьянством настоятельный вопрос: куда идти, как обеспечить себе и своим детям сносное существование и перспективу в будущем. Не случайно авторы сборника «Коллективизация сельского хозяйства в странах Восточной Европы», изощряясь в выдумках о «бедах», будто бы причиненных народному хозяйству европейских стран народной демократии ликвидацией остатков феодализма и социалистическим кооперированием деревни, делают вывод: советский путь не может быть пригодным для решения аграрного вопроса⁵.

С другой стороны, кое-кто на Западе не прочь еще половить рыбку в мутной воде и попытаться найти «щели» в рабоче-крестьянском союзе, в особенности в странах народной демократии. «Другая причина, почему изучение коллективизированного сельского хозяйства важно для американцев,— пишет тот же Ф. Мосли,— заключается в освещении вопроса, может ли Запад использовать революционный потенциал крестьянского недовольства (*agrarian unrest*) против распространения советского влияния»⁶. В этом смысле интерес буржуазной историографии к истории аграрных отношений в нашей стране едва ли разнится от интереса разведчика, которому поручено изучать неприятельскую страну.

В современной буржуазной историографии на Западе существует несколько родственных концепций развития советского аграрного строя. Все они рассматривают историю советского общества под углом зрения известного постулата буржуазной науки о прогрессивности капиталистических отношений. Направления, идущие в русле реакционной официальной историографии, пытаются с этих позиций доказать историческую неправомерность социалистических преобразований в деревне и неизбежность «краха» социалистического колхозного строя. Либерально-объективистские концепции, напротив, склонны допустить возможность развития экономики, в том числе и сельского хозяйства, и по социалистическому пути, но пытаются доказать, что он де «не является лучшим».

Настоящая статья ставит своей задачей на конкретном историческом материале показать несостоятельность некоторых общих для буржуазных концепций принципиальных положений и опровергнуть, в частности, следующие мифы буржуазной науки: 1) об «экономической реакционности» аграрных преобразований, совершенных в ходе Октябрьской социалистической революции; 2) об отсутствии объективных предпосылок для коллективизации; 3) о непрерывной эксплуатации деревни городом, якобы происходящей в условиях социализма. При этом автор рассматривает лишь работы, вышедшие в США, Англии и ФРГ в послевоенное время.

* * *

Положение о том, что аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции были якобы «экономически реакционными», что они явились тормозом в развитии производительных сил нашей страны и не принесли пользы крестьянству, имеет в буржуазной литературе широкое распространение.

Это утверждение служит одним из важнейших аргументов в цепи «доказательств», с помощью которых буржуазные идеологи пытаются

⁵ «Collectivization of Agriculture of Eastern Europe», University of Kentucky Press, 1958.

⁶ Там же, р. 53.

«опровергнуть» объективную закономерность Октябрьской революции, представляя ее, как некий «авантюристический эксперимент» большевиков, заведших в конечном итоге экономику страны в тупик. По словам С. Н. Прокоповича, бывшего министра Временного буржуазного правительства, а на склоне лет — профессора Гарвардского университета, большевики в решении земельного вопроса руководствовались лишь стремлением использовать недовольство крестьянства для захвата власти и меньше всего думали о народнохозяйственных последствиях своего аграрного законодательства. Они давали крестьянству обещания, которые «не были и не могли быть выполнены»⁷. Прокопович доходит до утверждения, будто ликвидация помещичьего землевладения была одной из важнейших причин продовольственных трудностей в конце двадцатых годов⁸. Э. Х. Карр называет «Декрет о земле» «одним из самых хитрых политических шагов Ленина», рассчитанных на то, чтобы привлечь крестьянство на сторону большевиков⁹. По его словам, «революция не решила ни одной из фундаментальных проблем, способных изменить лицо русской деревни»¹⁰. Аналогичные высказывания можно встретить у многих других буржуазных исследователей советской истории¹¹.

Как же обосновывается в буржуазной литературе положение об «экономической реакционности» аграрных преобразований Октябрьской революции?

Буржуазные работы исходят прежде всего из распространенного в антимарксистской историографии взгляда, будто суть аграрного вопроса в дореволюционной России состояла вовсе не в существовании помещичьих латифунций и малоземелье крестьянства¹². Наиболее развернуто эту точку зрения сформулировал американец У. Г. Чемберлин в своем труде «Русская революция 1917—1921 гг.», вышедшем еще до войны. Бедность русских крестьян, доказывал У. Чемберлин, происходила «не столько от полного недостатка земли..., сколько от плохих методов обработки, отсутствия хороших семян, недостатка и плохого качества скота... Но крестьянин... видел один источник своих бедствий — помещика, которому он был обязан платить арендную плату»¹³.

Постановка вопроса Чемберлином и другими буржуазными историками, кстати, заимствованная у кадетов, представляет собой явную подмену проблемы социальной проблемой агротехнической. Для того, чтобы путь интенсификации крестьянского хозяйства, рекомендуемый задним числом Чемберлином, был возможен, требовалось прежде всего изменить социальные условия в русской деревне, где помещичья и кулацкая кабала, полукрепостнические методы эксплуатации обрекали большую массу крестьянских хозяйств на простое воспроизводство, а зачастую не давали возможности осуществлять даже его.

Буржуазные историки и экономисты уверяют, будто увеличение крестьянского землепользования за счет помещичьих и других нетрудовых владений не могло иметь серьезного значения для крестьянства, так как-де эти владения не были уж столь велики. Если поверить американским экономистам Н. Ясному и Прокоповичу, ликвидация помещичьего зем-

⁷ См. С. Н. Прокопович. Народное хозяйство СССР, т. I, Нью-Йорк, 1952, стр. 123, 127, 134.

⁸ Там же, стр. 175—176.

⁹ См. E. H. Carr. The Bolshevik Revolution 1917—1923, vol. 2, London, 1952, p. 35.

¹⁰ Там же, p. 167.

¹¹ См. L. Shapiro. The Origin of Communist Autocracy, L., 1956 p. 44; M. Fainsod. How Russia is Ruled, Cambridge, Mass., 1955, p. 88.

¹² См. С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 134; N. Jasny. The Socialized Agriculture of the USSR, Stanford, 1949, pp. 145—146; 150—151; O. Schiller. Die Landwirtschaft der Sowjetunion, 1917—1953, Tübingen, 1954, S. 14; D. W. Treadgold. Was Stolypin in Favor of Kulaks? «The American Slavic and East European Review», Febr. 1955, pp. 13—14; M. Wren. The Course of Russian History, N. Y., 1958, p. 544.

¹³ W. H. Chamberlin. The Russian Revolution 1917—1921, N. Y., 1954, pp. 243—244.

левладения увеличила площадь крестьянского землепользования всего лишь на 22—23 млн. десятин. О. Шиллер приводит цифру 50 млн. десятин¹⁴.

Откуда взялись эти данные?

Буржуазная историография обычно ссылается на советскую статистику периода гражданской войны и начала 20-х годов (например, данные Наркомзема РСФСР за 1918—1919 гг.; сб. «О земле», выпущенный Наркомземом в 1921 г., и некоторые другие). Эти статистические публикации не дают, однако, полной картины преобразований, ибо основываются на материалах, собранных в разгар гражданской войны, в 1918—1919 гг., когда большая часть страны находилась под властью белогвардейцев и интервентов. Выдавать неполные данные статистики первых лет Советской власти за окончательные результаты аграрной революции — значит явно подтасовывать факты.

На самом деле, примерные расчеты аграрной комиссии Коммунистической Академии, охватившие 50 губерний Европейской России, показали, что у помещиков, казны, церкви и других нетрудовых владельцев было конфисковано и передано в пользование крестьян около 100 млн. десятин, пригодных для ведения сельского хозяйства¹⁵. Всего же по окончательным подсчетам на всей территории страны крестьянство получило свыше 150 млн. десятин земли, конфискованной у нетрудовых владельцев¹⁶. Необходимо еще учесть, что в 1918—1920 гг. в ходе развернувшейся социалистической революции в деревне трудящееся крестьянство получило кроме того часть земли, находившуюся до Октябрьской революции в собственности кулаков.

Ясный и Шиллер, стремясь преуменьшить рост крестьянского землепользования после революции, подчеркивают, что значительная часть (по Шиллеру — около половины) земли, отобранной у помещиков, обрабатывалась крестьянством в порядке аренды еще в дореволюционное время¹⁷. Но эти «специалисты по русскому аграрному строю» умалчивают, во что обходилась крестьянству аренда помещичьей земли. Даже по самым скромным подсчетам размер ежегодных платежей по внаемной аренде составлял около 300 млн. рублей¹⁸. Общая же сумма платежей, уплачиваемых ежегодно крестьянами за аренду земли и ее покупку, превышала перед революцией 700 млн. рублей¹⁹. Об этой непривлекательной стороне дореволюционного аграрного строя России буржуазные историки предпочитают помалкивать.

Фальсификация данных о количестве земли, полученной крестьянством, и умолчание о полуфеодальных методах эксплуатации, сохранявшихся в дореволюционной деревне, позволяют буржуазному советоведению искажать и социально-экономические итоги аграрных преобразований первых лет Советской власти. Так, Н. Ясный утверждает, будто в результате аграрной революции произошло не осереднячивание, а «пауперизация» деревни, так как-де увеличилось только число хозяйств с площадью посева до 4 десятин, удельный же вес всех других категорий хозяйств сократился. Тем самым, считает он, и без того экономически слабое в России крестьянское хозяйство оказалось еще больше ослабленным²⁰. Фактически такой же вывод следует и из рассуждений Э. Х. Карра²¹.

¹⁴ См. Н. Ясн. Указ. соч., стр. 154; С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 132; О. Schiller. Das Agrarsystem der Sowjetunion, Tübingen, 1960, S. 14.

¹⁵ «Аграрная революция», под ред. В. П. Милютин, т. 2, Крестьянское движение в 1917 г., М., 1928, стр. 228—229.

¹⁶ «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», М., 1957, стр. 24.

¹⁷ См. Н. Ясн. Указ. соч., стр. 144—145; О. Schiller. Das Agrarsystem der Sowjetunion, стр. 14.

¹⁸ «Аграрная революция», стр. 229.

¹⁹ Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.), М., 1954, стр. 41.

²⁰ Н. Ясн. Указ. соч., стр. 155—157.

²¹ Е. Н. Сагг, Указ. соч., стр. 167—168.

Однако Ясный и Карр, приводя данные о социальном расслоении крестьянства в 1919 г., почему-то сбрасывают со счетов, что избранный ими источник (сборник «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.») дает сведения лишь о площади, фактически засеянной в 1919 г., а не о всей площади пахотной земли, оказавшейся в распоряжении крестьянства в результате революции.

Насколько велика была эта разница видно из сравнения данных, приводимых упомянутым сборником, с результатами выборочной гнездовой переписи ЦСУ СССР в 1927 году, охватившей 615 тыс. крестьянских хозяйств. По данным сборника в 1917 г. 69% хозяйств имели площадь посева менее 4 дес.; в разгар гражданской войны, когда аграрные преобразования еще не были завершены, удельный вес таких хозяйств увеличился до 79%²². Перепись же 1927 г. показала, что не менее 50% крестьянских хозяйств имели площадь посева более 4 дес.²³ Следовательно, количество крестьянских хозяйств с небольшой площадью посева в результате ликвидации помещичьего землевладения и перераспределения части кулацкой земли в 1918 г. не увеличилось, а уменьшилось, как это совершенно ясно выявилось после завершения аграрных преобразований и ликвидации последствий гражданской войны. Средняя величина крестьянского надела по европейской части РСФСР выросла с 10,08 га до революции до 13,22 га в 1927 г.²⁴ Таким образом, аграрная революция привела не к пауперизации, а к осереднячиванию деревни.

Э. Х. Карр считает, что поскольку уравнильный раздел земли укрепил мелкое производство, аграрная революция затормозила развитие производительных сил сельского хозяйства²⁵.

Действительно, ликвидация помещичьего землевладения и частичная экспроприация кулачества резко сократила число крупных хозяйств, способных вести производство наиболее интенсивными методами. Это не могло не сказываться отрицательно на размерах сельскохозяйственного производства. Однако существовал и другой важный фактор, порожденный аграрной революцией: освобождение крестьянского хозяйства от пережитков феодально-крепостнической эксплуатации и значительное ограничение капиталистической эксплуатации вследствие ослабления позиций кулака в деревне в годы гражданской войны. Этот фактор профессор Э. Х. Карр, как и другие буржуазные исследователи, не принимает во внимание. Между тем, это был фактор, способствовавший развитию сельского хозяйства, открывавший перед его производительными силами новые просторы для развития. Выяснить окончательные итоги аграрных преобразований, их влияние на развитие производительных сил может только сопоставление данных о сельскохозяйственном производстве в стране перед Октябрьской революцией и во второй половине двадцатых годов, когда был завершен восстановительный период (см. таблицу на стр. 194).

Из таблицы видно, что в советской доколхозной деревне были большие посевные площади, собирались большие урожаи, имелось большее количество скота, словом, велось более интенсивное хозяйство, чем в дореволюционное время. Следует подчеркнуть, что приведенные данные о дореволюционном сельском хозяйстве представляют собой средние величины, относящиеся ко всему сельскому хозяйству царской России, т. е. включают и показатели, достигнутые в помещичьих и кулацких хозяйствах, где интенсивность производства была несравненно выше, чем в хозяйствах бедняков и середняков. Сравнение результатов

²² «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.», М., 1922, стр. 21.

²³ «Сельское хозяйство СССР 1925—1928. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзный партконференции», М., 1929, стр. 34, 155.

²⁴ «НКЗ РСФСР. К вопросу об очередных задачах по работе в деревне. Материалы к XV съезду ВКП(б)», М.—Л., 1928, стр. 108.

²⁵ Е. Н. Сагг. Указ. соч., стр. 22—23; Его же. *Socialism in One Country, 1924—1926* (volume one), London, 1958, p. 215.

	До революции	В начале реконструк- тивного периода	Рост
Вся посевная площадь (млн. га) ¹	105,0 (1913 г.)	113,6 (1928 г.)	↑7%
Валовый сбор зерновых (млн. т) (среднегодовой)	65,2 ² (1909—1913 гг.)	73,0 ³ (1925—1928 гг.)	↑10,6%
Средняя урожайность зерновых (ц/га)	6,9 ² (1909—1913 гг.)	8,04 (1925—1928 гг.)	↑16,6%
Посевные площади технических культур (млн. га) ¹	4,5 (1913 г.)	8,6 (1928 г.)	↑31,1%
Поголовье крупного рогатого скота (млн. голов) ⁵	51,7 (1916 г.)	60,1 (1928 г.)	↑16,2%
Средний ежегодный прирост поголовья крупного рогатого скота (млн. голов)	0,25 ⁶ (1907—1913 гг.)	2,5 ⁷ (1925—1928 гг.)	в 10 раз

¹ «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», М., 1959, стр. 386. Здесь и далее данные за 1913 г. приводятся по территории СССР в государственных границах до 17 сентября 1939 г.

² «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», М., 1961, стр. 411.

³ «Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М., 1934, стр. 203.

⁴ Там же.

⁵ «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», стр. 448.

⁶ П. А. Хромов. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960, стр. 192.

⁷ СССР за 15 лет. Стат. материалы по народному хозяйству, М., 1932, стр. 149.

производства бедняцких и середняцких хозяйств будет еще более благоприятным для послереволюционного сельского хозяйства. Так, урожайность зерновых в крестьянских хозяйствах в 1922—1928 гг. была на 21% выше, чем в хозяйствах бедняков и середняков в 1900—1910 гг.²⁶

Конечно, подъем сельского хозяйства во второй половине двадцатых годов не мог быть длительным и устойчивым, ибо опирался на отсталую материально-техническую базу. Господство мелкокрестьянского производства консервировало эту отсталость: как известно, в силу самой своей природы мелкое хозяйство неспособно широко применять машинную технику, многопольные севообороты и другие современные методы ведения хозяйства. На рубеже двадцатых и тридцатых годов возможности мелкого крестьянского хозяйства в подъеме производства сильно сократились, и возникла объективная экономическая необходимость перехода к крупному сельскохозяйственному производству. Как вытекает из всего изложения вопроса Карром, аграрная революция должна была осложнить такой переход, поскольку затормозила развитие капиталистических отношений в деревне. На самом деле, национализация земли, проведенная в ходе Октябрьской революции, и подрыв политических и экономических позиций кулачества в деревне в период военного коммунизма были одними из решающих факторов, подготовивших социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, т. е. переход к наиболее прогрессивному виду крупного сельскохозяйственного производства — к крупному социалистическому производству.

Буржуазные историки и экономисты, пытаясь опорочить экономические мероприятия Советской власти, утверждают, будто аграрная революция не только была помехой в развитии сельского хозяйства, но и создала непреодолимые препятствия для развития промышленности и снабжения городов.

²⁶ В. П. Данилов. Материально-технические предпосылки коллективизации сельского хозяйства, М., 1957, стр. 93.

Так, О. Шиллер считает, что уничтожение помещичьих хозяйств «имело катастрофические последствия для продовольственного снабжения» городов в годы гражданской войны (о том, что страна была разорена интервентами и белогвардейцами, западногерманский автор, видимо, «объективности» ради, умалчивает). И хотя первое время, при нэпе снабжение городов наладилось, однако «очень скоро» наступил период «все усиливающегося нарушения продовольственного равновесия»²⁷. Прокопович, оправдывая аграрную политику Временного правительства, не желавшего решать вопрос о земле в соответствии с волей крестьянства, приводит в числе прочих тот аргумент, что этот вопрос надо было решать «не только с учетом интересов крестьянства, но и городского населения»²⁸. «Бедный крестьянин, — утверждает Прокопович, — развивал свои потребности и спрос, отнимая хлеб у горожанина и рабочего»²⁹.

Буржуазные авторы имеют здесь в виду сокращение товарности сельского хозяйства после аграрной революции вследствие уничтожения высокотоварных помещичьих и части кулацких хозяйств. Такое сокращение на самом деле имело место. Если в 1909—1913 гг. сельским хозяйством России производилось в среднем ежегодно 16,7 млн. т товарного зерна³⁰, то в 1926/27 — около 10 млн. т³¹.

Надо, однако, иметь в виду, что более высокая дореволюционная товарность была на деле чрезмерно высокой товарностью, ибо достигалась за счет нищеты и полуфеодальной эксплуатации крестьянства. Даже неурожаи не оказывали существенного влияния на товарность хлеба и на размеры его вывоза за границу. Так, в 1911 г., когда засуха привела к гибели урожая в Поволжье и некоторых других районах, и от голода умирали десятки тысяч крестьян, из России было вывезено 778,5 млн. пудов зерна, т. е. свыше 20% валового сбора зерновых; в то же время в 1913 г., давшем рекордный урожай, было вывезено всего 606,2 млн. пудов зерна³². Тот же Прокопович вынужден был признать, что русский крестьянин не ел досыта³³. Это означало, что относительно высокая товарность дореволюционного сельского хозяйства приводила к систематическому разрушению его основную производительную силу — крестьянина и представляла собой одно из проявлений противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которое привело помещичье-капиталистическую Россию к революции.

Аграрная революция ликвидировала это противоречие. Она позволила трудящемуся крестьянству резко увеличить потребление. Обследование крестьянских хозяйств, проведенное ЦСУ СССР в 1926/1927 г., показало, что потребление середняками и беднотой хлеба на душу было на 22% больше, чем до революции, потребление масла — на 24% больше, молока — в 3 раза больше, сахара — в 4 раза больше³⁴. Отсюда — естественное сокращение товарности сельского хозяйства, которое представляло ничто иное, как приведение товарности в соответствие с уровнем развития производительных сил деревни.

²⁷ О. Schiller. Die Landwirtschaft der Sowjetunion. 1917—1953. SS. 14, 17—18.

²⁸ С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 122—123. Подобной же точки зрения на последствия аграрной революции придерживаются Н. Ясный, Г. Динерштейн и некоторые другие буржуазные экономисты и историки (См. N. J a s n y. Указ. соч., стр. 156—158; H. S. Dinerstein. Указ. соч., стр. 18).

²⁹ С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 161.

³⁰ «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 351.

³¹ Определено, исходя из данных о потреблении городского населения и промышленности и из размеров экспорта зерна, согласно статистическому сборнику «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928», М., 1929, стр. 342, 344, 486.

³² См. «Сельское хозяйство в XX веке», М., 1923, стр. 303; П. А. Хромов. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960, стр. 186.

³³ С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 116—119.

³⁴ «Социалистическое сельское хозяйство», № 8/9, 1940, стр. 40.

Уровень этот был, однако, крайне низок. Низок не потому, что произошла аграрная революция (в результате ее сельское хозяйство в двадцатые годы сделало известный шаг вперед), а потому, что слишком тяжелое наследство досталось советскому крестьянству от помещичье-капиталистической России. Именно это наследство, а не аграрная революция, и было истинной причиной низкой товарности сельского хозяйства в первое десятилетие после Октября.

Хотя по сравнению с дореволюционным временем товарность сельского хозяйства в двадцатые годы уменьшилась, продовольственное снабжение городов, вопреки Прокоповичу, не ухудшилось. Более того, в начале реконструктивного периода на внутреннем рынке было больше хлеба, чем в предреволюционные годы. В 1909—1913 гг. внедеревенским потребителям внутри страны должно было в среднем за год продаваться около 6 млн. т зерна³⁵, а в 1926—1927 и 1927/1928 гг. соответственно, 7,6 млн. т и 8,1 млн. т³⁶. Меньшее количество товарного хлеба в двадцатые годы компенсировалось сокращением его экспорта. Вместе с тем ликвидация паразитического потребления эксплуататорских классов и монополия внешней торговли позволяли советскому государству обеспечивать развивающуюся промышленность даже большим количеством импортного оборудования, чем до первой мировой войны³⁷.

С другой стороны, анализируя влияние аграрной революции на развитие промышленности и продовольственное снабжение городского населения, надо учитывать, что осуществление аграрных преобразований было необходимым условием победы социалистической революции в России и, стало быть, необходимым условием национализации промышленности и других социалистических преобразований в экономике страны. Создание социалистического сектора в промышленности позволило советскому государству после восстановительного периода, несмотря на уменьшение товарности сельскохозяйственного производства, развивать индустрию такими темпами, о которых не могла и мечтать капиталистическая Россия. Годовой прирост промышленной продукции составил в 1927 г.—13,2%, в 1928 г.—18,9%, в 1929 г.—18,8%³⁸. В 1910—1913 гг. ежегодный рост промышленного производства был равен лишь 6%³⁹.

Конечно, и развитие промышленности, так же как и развитие сельского хозяйства, не могло быть продолжительным и устойчивым пока в деревне господствовало мелкотоварное производство. Переход к крупному социалистическому сельскохозяйственному производству в конце 20-х — начале 30-х годов обуславливался в такой же мере объективной экономической необходимостью развития промышленности, как и самого сельского хозяйства. Аграрная революция и обеспечила создание

³⁵ Товарность зерна в 1909—1913 гг. составляла в среднем за год 17,2 млн. т (в современных границах страны). («Народное хозяйство СССР в 1960 г.», стр. 372). Экспорт зерна из России в тот же период составлял в среднем за год 11,2 млн. т (исчислено из данных об экспорте хлеба, приведенных в статистическом сборнике «Сельское хозяйство России в XX веке», стр. 302—303). Вычитая из величины общей товарности зерна величину его экспорта, получим количество зерна, поступавшее на внутренний внедеревенский рынок в 1909—1913 гг.

³⁶ Исчислено из данных о величине товарной части зерновых и экспорта хлеба в 1926/1927 и 1927/1928 гг. (См. «Сельское хозяйство СССР 1925—1928. Сборник статистических сведений к XVI партконференции», М., 1929, стр. 342, 344, 486).

³⁷ Импорт машин и оборудования составлял (по курсу рубля 1951 г.) в 1913 г.—796,8 млн. руб., в 1927/1928 г.—788,0 млн. руб., в 1929 г.—923,3 млн. руб. Металлообрабатывающего оборудования было ввезено в 1913 г. на сумму 44,7 млн. руб., в 1927/1928 г.—на 76,4 млн. руб., в 1929 г.—на 79,6 млн. руб. Энергетического оборудования было ввезено в 1913 г. на 130 млн. руб., в 1927/1928 г.—на 150,6 млн. руб., в 1929 г.—169,4 млн. руб. и т. д. (См. «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.», М., 1960, стр. 204, 239, 301).

³⁸ Исчислено по статистическому сборнику «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», М., 1961, стр. 219.

³⁹ П. А. Хромов. Указ. соч., стр. 26.

социалистической экономики, подготовив наилучшие условия для перехода к социализму в земледелии и позволив на определенном этапе поднять производительные силы сельского хозяйства.

* * *

Буржуазные авторы отказываются признать коллективизацию исторически закономерным процессом. По их мнению, утверждение социалистического способа производства в сельском хозяйстве, как и в экономике вообще, подрывает личную заинтересованность в труде и инициативу работника, а потому препятствует развитию производительных сил деревни. Историческую «неправомерность» коллективизации буржуазное советоведение пытается обосновать и уверениями в отсутствии для нее экономических и психологических предпосылок. Ряд буржуазных экономистов и историков заявляют, будто колхозы и совхозы, существовавшие перед массовой коллективизацией, не показали своих преимуществ перед единоличным хозяйством, и потому их пример не мог быть убедительным для крестьянства. По утверждению С. Н. Прокоповича, колхозы и совхозы в 1927—1929 гг. «должны были производить на крестьян отталкивающее впечатление», т. к. там, мол, «плохо велось хозяйство»⁴⁰. Те же «доводы» перепевают Н. Ясный, М. Фейнсод, О. Шиллер и др.⁴¹.

Однако сравнение основных производственных показателей в социалистических и индивидуальных крестьянских хозяйствах говорит о том, что преимущества первых с достаточной полнотой выявились уже накануне коллективизации. Статистика показывает, что в 1928—1929 гг. урожайность в совхозах и колхозах главных зерновых районов страны была на 20—40% выше урожайности в индивидуальных хозяйствах⁴², а себестоимость 1 центнера зерновых на 25—30% ниже⁴³. В 1928 г. в совхозах и колхозах широко применялось многополье⁴⁴. Стоимость основных средств производства на одного работника в сельском хозяйстве в 1929 г. была в коммунах на 25%, а в совхозах — в три раза больше, чем у единоличников.

По распространенной в буржуазной историографии точке зрения развитие потребительской и торговой кооперации тоже не могло склонить крестьянство к общественному ведению хозяйства. Тот же Прокопович пишет: «Сельскохозяйственная кооперация в СССР не могла приучить крестьян к коллективному хозяйству, так как ничего кооперативного в ней не было»⁴⁵. Ему вторят в своих книгах О. Шиллер, Н. Ясный, Л. Волин⁴⁶. Указанные авторы скорбят, что советская сельскохозяйственная кооперация пользовалась поддержкой государства и находилась под его руководством, была важным рычагом в проведении государственной политики цен, а потому не походила на столь милую их сердцу буржуазную кооперацию. Это действительно было так. Но разве следует отсюда, будто такая кооперация не могла заинтересовать трудящееся крестьянство, не могла приобщить его к общественным формам ведения хозяйства?

Факты показывают, что, во-первых, крестьянство имело большие реальные выгоды от участия в сельской кооперации. Так, цены на товары в сельской потребительской кооперации были на 10% ниже, чем

⁴⁰ С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 186.

⁴¹ N. Jasny. Указ. соч., стр. 303—304; O. Schiller. Die Landwirtschaft der Sowjetunion, 1917—1953, стр. 23; M. Fainsod. Указ. соч., стр. 448.

⁴² «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами», стр. 154.

⁴³ «Колхозы в 1929 г.», Стат. сб., М., 1931, стр. XXVI.

⁴⁴ Там же, стр. XXVII.

⁴⁵ С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 186—187.

⁴⁶ O. Schiller. Указ. соч., стр. 17; N. Jasny. Указ. соч. стр. 298; L. Volin. Agricultural Organization (в сб. «Soviet Economic Growth: Conditions and Perspectives», ed. by A. Bergson, N. Y., 1953), p. 284—285, 288—290.

у частника⁴⁷. Значительно выгоднее крестьянству было и сбывать продукцию своего хозяйства через сельскохозяйственную кооперацию, чем через частного посредника. Об этом свидетельствуют неуклонный рост доли кооперативных организаций в заготовках сельскохозяйственных продуктов в 20-е годы и одновременно сокращение доли частного капитала. Большую роль играла кооперация в кредитовании крестьянских хозяйств. Через общественные организации крестьянство получило в 1923—1929 гг. 737,3 млн. руб. кредита. Кроме того, в порядке производственного кредитования единоличные крестьянские хозяйства получили за это время от Советского государства еще 917,3 млн. руб.⁴⁸ В 1926/1927 г. кредит покрыл более половины стоимости всех проданных крестьянам сельскохозяйственных машин и орудий, а в 1927/1928 г. почти три четверти⁴⁹. Неудивительно, что ряды сельской кооперации непрерывно росли. К концу 1927 г. сельскохозяйственная кооперация охватывала уже 37,8% всех крестьянских хозяйств⁵⁰. Пайщиками потребительской кооперации в это же время было 39% хозяйств, а в 1929 г. — 58,3%⁵¹.

Во-вторых, советская сельскохозяйственная кооперация давала наибольшие выгоды и преимущества именно трудящимся слоям деревни, середняцким и бедняцким хозяйствам. В дореволюционной России на долю 10% кулацких и зажиточных хозяйств приходилось 70% приобретаемых сельскохозяйственных машин и орудий. В РСФСР в 1926/1927 г., когда основная масса орудий и машин поступала в деревню через кооперацию, середняки и беднота получили свыше 80% реализованных машин и орудий, а кулак — лишь около 20%⁵². В том же году середняцким и бедняцким хозяйствам было предоставлено 90,4% сумм производственного кредита, кулацким же хозяйствам 9,6%. В 1927/1928 г. кулаки получили всего 5,2% сумм, выданных по ссудам единоличным хозяйствам⁵³.

Ясно, что если бы руководили сельскохозяйственной кооперацией дельцы и предприниматели, а не коммунисты, картина была бы совершенно иной: львиную долю выгод от участия в кооперации получили бы капиталистические элементы, кулак укрепил бы свои позиции в деревне, и о переходе к социалистическому производственному кооперированию не могли бы быть и речи. Жалкие сетования идеологов капитализма на якобы «некооперативный» характер советской кооперации двадцатых годов представляют собой один из обычных приемов буржуазных фальсификаторов, стремящихся для компрометации социалистических преобразований выдать интересы буржуазной верхушки деревни за интересы трудящегося крестьянина.

Многие буржуазные историки (например, Ф. Мосли, С. Харкейв) видят одно из главных доказательств отсутствия предпосылок для социалистических преобразований в деревне в слабости машинной базы советского сельского хозяйства накануне и в период массовой коллективизации⁵⁴.

Действительно, в годы массовой коллективизации (1930—1932) в колхозах было еще мало машин, а МТС могли обслуживать тракторами

⁴⁷ «Материалы по истории СССР». Вып. VII, стр. 158.

⁴⁸ «Сельскохозяйственный кредит», 1930, № 20, стр. 53.

⁴⁹ В. П. Данилов. Указ. соч., стр. 137.

⁵⁰ «Сеть сельскохозяйственной кооперации СССР (сб. статистических материалов)», М., 1929, стр. 45, 80.

⁵¹ «Потребительская кооперация в народном хозяйстве СССР», М., 1929, стр. 55.

⁵² В. П. Данилов. Указ. соч., стр. 128, 156.

⁵³ «Социальное направление сельскохозяйственного кредита» (данные динамического гнездового обследования ЦСУ с 1927 г.), М., 1929, стр. 9, 12, 14—15; «СССР. Год работы правительства», М., 1930, стр. 269—271.

⁵⁴ «Collectivization of Agriculture in Eastern Europe», p. 56; S. Harsave. Russia. A History. N. Y., 1956, p. 151.

и комбайнами лишь меньшую часть сельскохозяйственных артелей. Следует, однако, подчеркнуть, что лучшие результаты, полученные социалистическими хозяйствами по сравнению с единоличными уже в 1928—1929 гг., достигались не только за счет механизации, но и за счет сложения и более эффективного использования простого инвентаря, живой тягловой силы и труда работников.

С другой стороны, надо иметь в виду, что советское государство во все не собиралось откладывать механизацию сельского хозяйства до завершения его социалистической реконструкции. Обе проблемы решались одновременно, хотя темпы механизации и отставали от темпов коллективизации. В годы коллективизации развернулось строительство заводов сельскохозяйственного машиностроения (Сталинградский, Харьковский, Челябинский тракторные заводы, Запорожский и Саратовский заводы комбайнов, Ростсельмаш и др.), что позволило уже в предвоенные годы осуществить широкую механизацию полевых работ.

С несколько иных позиций, чем остальные «советоведы», подходит к проблеме исторической закономерности коллективизации Э. Х. Карр. Он считает, что наша страна шла особыми, только ей присущими путями, и пытается рассматривать советский период истории как продолжение некой «традиционной исторической линии» развития России.

Согласно Э. Х. Карру, существование общинной традиции у русского крестьянства делало вполне возможным социалистическое развитие деревни. Однако как следует из последней работы английского историка — «Социализм в одной стране», коллективизация в том виде, как она была задумана партией и осуществлена, не могла быть исторически оправданным событием, поскольку социалистическое переустройство произошло не через общину, а помимо нее, и традиционная линия развития была нарушена⁵⁵. Но Э. Х. Карр упускает из виду при этом, что крестьянство перед коллективизацией было уже слишком втянуто в товарное производство и настолько социально дифференцировано, что община не могла играть существенной роли при переходе к социалистическому производству. К такому производству и подводил крестьянина ленинский кооперативный план. Но по мнению Э. Х. Карра кооперация и была одним из «западных новшеств», которые оказались противопоказаны русскому крестьянству, стремившемуся де защитить свой «традиционный русский образ жизни»⁵⁶.

Итак, несмотря на наличие тех или иных оттенков мнений западное советоведение считает, что коллективизация была исторически неправомерным событием и не имела объективных предпосылок. Чем же в таком случае был вызван, по их мнению, этот революционный переворот в деревне?

О причинах коллективизации у буржуазных «исследователей России» существует несколько точек зрения. Небольшая группа историков (Г. Раух, Л. Шапиро, И. Дейчер) в объяснении ее причин скатываются на путь чистых домыслов, пытаясь представить коллективизацию следствием борьбы отдельных советских руководителей за власть.

Весьма значительное число буржуазных авторов (Н. Ясный, Ф. Мосли, Г. Динерштейн, М. Фейнсод и некоторые другие) считают, что коллективизация была вызвана субъективной причиной — желанием коммунистов, в соответствии с учением марксизма-ленинизма, ликвидировать частную собственность и создать единое социалистическое плановое хозяйство. При этом сама аграрная теория марксизма подается в духе утверждения о принципиальной «враждебности» коммунистической идеологии крестьянству.

Большинство историков, однако, пытается глубже взглянуть на вещи. По словам американского социолога Дж. Бергамини, переход к

⁵⁵ E. H. Carr. *Socialism in One Country*, vol. I, 1958, p. 18, 94, 210—211, 220—222.

⁵⁶ Там же, p. 21, 210 и след.

политике сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса диктовался «как догмой (т. е. теоретическими соображениями.— А. Б.), так и необходимостью»⁵⁷. Ф. Шуман пишет: «Коллективизация сельского хозяйства была не столько продуктом ортодоксальной доктрины... сколько результатом трудного экономического положения, политической необходимости и правильной оценки иностранных атак»⁵⁸. Буржуазные экономисты Г. Шварц⁵⁹, Л. Волин⁶⁰, О. Шиллер⁶¹ считают при этом, что развитие крупной промышленности, объективно необходимое для нормального развития страны, тормозилось низкой товарностью и общей технической отсталостью крестьянского хозяйства. Американские историки А. Эрлих, М. Рэн и С. Харкейв признают реальность опасности усиления кулачества для Советской власти⁶².

Такая постановка вопроса более соответствует действительным историческим актам. Но и она грешит односторонностью, ибо сбрасывает со счета одну из основных причин коллективизации — невозможность обеспечения наиболее быстрого повышения жизненного уровня трудящихся, в том числе самого крестьянства, без ликвидации старого хозяйственного уклада в деревне и перехода к общественному производству в земледелии. Мы подходим тут к основному мифу о характере развития советского общества в целом и советского аграрного строя в особенности, безраздельно господствующему в буржуазной историографии.

* * *

В антимарксистской литературе по истории СССР в настоящее время широко распространено клеветническое утверждение, будто индустриализация нашей страны в условиях диктатуры пролетариата могла быть осуществлена только с помощью «экспроприации» крестьянства, за счет разорения сельского хозяйства. В этой связи буржуазные советоведы говорят о некоем «первоначальном накоплении», будто бы обязательном при строительстве социализма и напоминающем первоначальное накопление, предшествовавшее возникновению промышленного капитализма. Подобным образом западное советоведение старается аргументами от экономики усилить «теоретический фундамент» своей клеветы о принесении крестьянства в «жертву» коммунистическим идеалам и доказать, что советский путь развития деревни — самый трудный и мучительный для нее путь.

Тезис о необходимости «первоначального накопления» за счет крестьянства при строительстве социализма в СССР, как известно, не нов. Еще более тридцати пяти лет назад он развивался в пресловутой троцкистской теории «аграрной колонизации». Впрочем «исследователи» советской истории на Западе и не претендуют на особую оригинальность, отдавая должное в своих трудах «первооткрывателям». Все же нельзя не признать, что ими был внесен и кое-какой самостоятельный «вклад» в данное «теоретическое наследство». Проиллюстрируем ход рассуждений нынешних «теоретиков» хотя бы на примере трудов западногерманского экономиста В. Гофмана⁶³.

⁵⁷ «Continuity and Change in Russian and Soviet Thought», Cambr. Mass., 1955. p. 226.

⁵⁸ F. Schuman. Russia since 1917, Four Decades of Soviet Politics, N. Y., 1957, p. 148.

⁵⁹ H. Schwartz. Russia's Soviet economy, N. Y., 1951, p. 106—107.

⁶⁰ L. Volin. A Survey of Soviet Russian Agriculture, Washington, 1951, p. 13—15.

⁶¹ O. Schiller. Die Landwirtschaft der Sowjetunion. 1917—1953, SS. 17—19.

⁶² «Continuity and Change...», p. 95 и след.; S. Harcave. Указ. соч., p. 548, 550; M. C. Wren. Указ. соч., стр. 603.

⁶³ W. Hofmann. Wohin steuert die Sowjetwirtschaft? Berlin, 1955; Ero же. Die Arbeitsverfassung der Sowjetunion. Berlin, 1956; см. также: E. H. Carr. The Interregnum. L., 1956; Ero же. Socialism in One Country, vol. I. L., 1958; E. Böttcher. Die sowjetische Wirtschaftspolitik am Scheidewege, Tübingen, 1959.

Первый шаг в накоплении, — пишет В. Гофман, — должен быть сделан не в результате технического прогресса, а в результате увеличения присвоения прибавочного труда (*Mehrgarheit*)⁶⁴. Существуют несколько методов такого присвоения, которые одновременно являются методами индустриализации. Одни страны осуществляли его путем накоплений, которые дает торговый капитал (так Гофман деликатно именует колониальный грабеж. — А. Б.), другие — за счет экспорта монокультур и извлечения из этого ненормально-высоких прибылей, третьи — за счет иностранных займов. Социалистический Советский Союз не мог пойти этими путями. Финансирование из внешних источников было для него исключено. Он не имел другого выбора, кроме осуществления накоплений для индустрии за свой собственный счет. Единственной отраслью экономики, которая могла дать средства для промышленных накоплений, было сельское хозяйство⁶⁵. Отсюда, — заключает В. Гофман, — неизбежность «первоначального накопления» за счет деревни и принесение крестьянства в «жертву» развивающейся промышленности⁶⁶.

В этих рассуждениях что ни положение — то прямая подтасовка фактов, либо скрытая фальсификация.

Бесспорна истина, что накопления возможны лишь путем «присвоения прибавочного труда» (точнее, прибавочного продукта). Весь вопрос, однако, в том, кто и с какой целью присваивает этот прибавочный продукт, как он перераспределяется. Использование накоплений сельского хозяйства для развития промышленности происходит и при капитализме и при социализме — оно обусловлено экономическим законом преимущественного развития производства средств производства. Но действие этого закона в разных формациях ведет к диаметрально противоположным социальным последствиям.

На заре капитализма, когда потребность в капиталах у буржуазии была особенно велика, из сельского хозяйства изымался не только весь прибавочный продукт, но и значительная часть необходимого продукта. Сельскохозяйственное производство приходило в упадок, а многомиллионная масса крестьянства была доведена до полного разорения. «Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, — писал Маркс о первоначальном капиталистическом накоплении, — составляет основу всего процесса»⁶⁷.

Возникновению фабричной промышленности Англии, например, предшествовала экспроприация собственности английского свободного крестьянства, его поголовное разорение и уничтожение как класса, что, в свою очередь, привело к превращению Англии в страну, полностью зависящую от ввоза продовольствия из-за границы. В США первоначальное накопление осуществлялось в огромной мере посредством плантационного рабства на юге, т. е. за счет внутренних средств, полученных опять-таки из сельского хозяйства. В создании индустриальной мощи Германии большую роль сыграла не только французская контрибуция, но и в полтора раза большая контрибуция, взысканная обуржуазившимся юнкерством со своих бывших крепостных. И здесь развитие современной капиталистической промышленности шло рука об руку с обнищанием крестьянства. И хотя развитие капитализма привело к интенсификации сельскохозяйственного производства в имениях юнкеров и грессбауеров, все же и Германия в начале XX века превращается из страны, вывозящей продовольствие, в страну, его ввозящую.

Эксплуатация деревни происходит при капитализме на протяжении всей его истории и идет с особенной интенсивностью в наше время, когда хозяйством капиталистических стран управляет монополистиче-

⁶⁴ W. Hofmann. Die Arbeitsverfassung der Sowjetunion, S. 25.

⁶⁵ См. W. Hofmann. Wohin steuert die Sowjetwirtschaft? S. 101—103.

⁶⁶ W. Hofmann. Die Arbeitsverfassung... S. 26, 28, 29.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., 2 изд., т. 23, М., 1960, стр. 728.

ский капитал. За 1950—1959 гг. в Соединенных Штатах разорилось около 1 млн. фермерских хозяйств. С 1947 по 1955 г. чистый доход американских фермеров сократился почти на 40%. Вместе с тем каждый год все увеличивается разница цен на сельскохозяйственные товары по сравнению с товарами производственного назначения, которые вынуждены покупать фермеры у промышленных монополий. Так, для покупки трактора американский фермер должен был в 1957 г. продать пшеницы на 20% больше, чем за пять лет до того, для покупки комбайна ему требовалось продать на 55% больше крупного рогатого скота⁶⁸.

В Советском Союзе возникновение социалистического способа производства не было и не могло быть связано с первоначальным накоплением хотя бы потому, что социалистическая революция произошла в СССР, когда капитализм в стране достиг уже высшей монополистической стадии развития, первоначальное же накопление является исходным моментом создания капиталистического способа производства. Тем не менее и в СССР средства для индустриализации также были взяты в значительной мере из накоплений, созданных в сельском хозяйстве: Советский Союз в конце 20-х гг. был страной преимущественно аграрной, а помощь извне для развития своей промышленности он получить не мог. Однако, в отличие от капиталистических стран, в СССР это не могло привести к «эксплуатации» деревни городом, в чем пытается уверить В. Гофман. Ибо, во-первых, в условиях социалистической экономики перенесение прибавочного продукта из сельского хозяйства в промышленность не представляет отчуждения его у непосредственного производителя: он становится общенародной собственностью. Во-вторых, благодаря плановому характеру социалистического хозяйства перераспределение народнохозяйственных накоплений в пользу промышленности является основной предпосылкой для последующего роста и развития сельскохозяйственного производства, а стало быть и для повышения уровня жизни и рабочих и крестьян. Наконец, опять-таки вопреки В. Гофману, мобилизация накопления для развития индустрии осуществлялась в СССР не только за счет сельского хозяйства, но и за счет самой промышленности, причем доля промышленности в накоплениях непрерывно увеличивалась по мере того, как увеличивалось промышленное производство и росло городское население.

Совершенно очевидно, что В. Гофман выдает за закономерность социалистического развития тот путь эксплуатации и обнищания крестьянства, которым в действительности шло и идет развитие сельского хозяйства при капитализме.

Уверяя, что для проведения индустриализации у советского государства не было иного выхода, кроме «разорения сельского хозяйства», большинство буржуазных историков не углубляется в теоретическую аргументацию, а просто пытается спекулировать на ряде временных трудностей, порожденных исключительностью исторической обстановки, в которой находилась наша страна в тот период.

Действительно, слабость индустриальной базы и постоянная угроза нападения империалистов потребовали от советского народа известных жертв для ускорения развития промышленности, прежде всего тяжелой индустрии. Как указывал Н. С. Хрушев, в годы первых пятилеток «у нас не было возможности обеспечить одновременное развитие высокими темпами и тяжелой индустрии, и сельского хозяйства, и легкой промышленности»⁶⁹. Надо учитывать и тот факт, что строительство фундамента социализма происходило в условиях обострения классовой борьбы: кулачество оказало коллективизации отчаянное сопротивление, шло на все, чтобы подорвать производительные силы социалистического хозяйства.

⁶⁸ См. «СССР — США» (цифры и факты), М., 1961, стр. 61—62.

⁶⁹ Н. С. Хрушев. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 г., М., 1953, стр. 7.

Надо иметь также в виду, что советский народ первым осуществлял социалистические преобразования в деревне, не имел опыта в этом сложном и трудном деле. Кроме того, под влиянием культа личности Сталина в ходе коллективизации были допущены серьезные ошибки и перегибы, несомненно затормозившие развитие производительных сил в деревне.

Все это, естественно, не могло не сказаться на размерах производства и уровне материального благосостояния крестьянства в первый период существования колхозного строя. Но вытекает ли из этих фактов вывод об «упадке» социалистического сельского хозяйства в первые десять-двенадцать лет его существования, о «стангации» его производительных сил, о «неэффективности» колхозного производства по сравнению с мелкокрестьянским хозяйством, который делают буржуазные историки и экономисты?

Сравнение результатов деятельности советского сельского хозяйства до коллективизации и в конце тридцатых годов свидетельствует о том, что несмотря на большие трудности, мешавшие нормальной работе социалистического сельского хозяйства, оно уже в те годы показало ряд крупных преимуществ по сравнению с хозяйственным укладом, господствовавшим в доколхозной деревне.

Чтобы скрыть истинное положение вещей и доказать обратное, буржуазные «исследователи» колхозного строя пускаются на всевозможные ухищрения, сомнительные манипуляции со статистическими данными, не останавливаясь подчас и перед прямой подтасовкой их.

Как это делается, наглядно показывает книга американца Н. Ясно-го «Социализированное сельское хозяйство СССР» — один из самых «солидных» трудов западного «советоведения», посвященных экономике социалистического сельского хозяйства.

Н. Ясный выдвигает два основных положения: 1) производительность труда в сельском хозяйстве за десять лет после коллективизации увеличилась «на ничтожно малую величину», а возможно даже «слегка упала»; 2) реальные доходы колхозного крестьянства были намного ниже крестьянских доходов при единоличном хозяйстве⁷⁰. Соответствуют ли фактам эти утверждения?

Показатель производительности труда в сельском хозяйстве Н. Ясный пытается вывести из отношения стоимости валовой сельскохозяйственной продукции за вычетом стоимости сельскохозяйственных продуктов, затраченных в производственных целях в самом сельском хозяйстве (в американской статистике это называется «продукцией для продажи и потребления»), к числу занятых в сельском хозяйстве лиц. Сам по себе такой подход не может вызвать возражений.

Статистические фокусы начинаются при определении второго члена указанного отношения — численности трудоспособного населения, занятого в сельском хозяйстве. Ясный голословно утверждает, будто советская статистика двадцатых годов имела тенденцию к преувеличению количества деревенского населения. На этом основании он произвольно сокращает его численность до коллективизации на 25% по сравнению с официальными данными. С другой стороны, Ясный умышленно преувеличивает количество населения, занятого в сельском хозяйстве при колхозном строе, уверяя, что количество трудоспособных в деревне между переписями населения 1926 и 1939 гг. сократилось будто бы в меньшей степени, чем количество всего сельского населения.

Американский статистик упускает из виду, однако, «мелочь»: он «забывает», что уменьшение численности населения, занятого в сельском хозяйстве, произошло вследствие перехода части его на работу в несельскохозяйственные отрасли экономики, и ушедшие из деревни были в своем подавляющем большинстве взрослыми работниками. Поэтому

⁷⁰ Н. Я с н у. Указ. соч., стр. 420, 702—705.

численность трудоспособного населения деревни должна была сократиться несравненно сильнее, чем численность всего населения, связанного с сельским хозяйством.

Но и такая фальсификация кажется Н. Ясному недостаточной. Ведь даже из выведенных им данных следует, что производительность труда за годы коллективизации должна была возрасти на 20%. Он же хочет доказать, что она сократилась. Ничтоже сумняшеся, он вдруг заявляет, что подсчитанную указанным образом производительность труда надо еще уменьшить, так как количество рабочих дней в году было у колхозника, якобы, на 45% больше, чем у единоличника⁷¹.

В действительности, как показал академик С. Г. Струмилин, анализируя бюджет времени крестьянина до коллективизации (в 1923—1924 гг.) и после нее (в 1934 г.), затраты времени на производительный труд колхозника с учетом работы на приусадебном участке, были в среднем за год лишь на 0,4 часа в сутки (или только на 6%) больше, чем у крестьянина-единоличника⁷².

Но одновременно у колхозника сократилось на 40% время домашнего труда, а общее время труда (производительного и домашнего) при колхозном строе было у крестьянина на 0,7 часов в сутки меньше, чем до коллективизации⁷³. В 1937—1940 гг., когда колхозная система окрепла, колхозы укрепились, экономия домашнего труда колхозника за счет услуг, полученных от колхоза, несомненно, еще больше возросла.

Из сказанного ясно, чего стоят увертки американского статистика, желающего во чтобы то ни стало убедить своих читателей в мнимой неэффективности социалистического сельского хозяйства.

Насколько же в действительности выросла производительность труда в сельском хозяйстве за первое десятилетие колхозного строя? Попробуем сделать примерный расчет, взяв в качестве показателя производительности труда отношение стоимости валовой продукции сельского хозяйства к числу работников в нем (см. таблицу на стр. 205).

Приведенный расчет дает общее представление о тех сдвигах в области производительности труда, которые произошли в сельском хозяйстве СССР в результате социалистического переустройства деревни. За десять лет, полных трудностей и напряженной борьбы, рост производительности труда на 40% во всем сельском хозяйстве, и почти на 70% в общественном хозяйстве был огромным прогрессом.

Рассмотрим теперь второй тезис Н. Ясного — о «снижении» жизненного уровня советского крестьянства после коллективизации.

Н. Ясный пытается вычислить чистый годовой доход единоличников в 1928 г. и тружеников социалистического сельского хозяйства в 1937—1938 гг. в расчете на душу населения в неизменных ценах 1926/1927 гг. Однако методика, применяемая им, опять-таки не выдерживает серьезной критики. Правда, Ясный в общем правильно определяет некоторые важные величины (например, чистый доход крестьянства от сельского хозяйства в 1928 г., полный доход колхозников от колхоза в 1937—1938 гг.), но тем более заметна недобросовестность его статистических приемов в целом. Достаточно указать, например, что Ясный сопоставляет чистый доход единоличных хозяйств от занятий сельским хозяйством в 1928 г., включающий, наряду с фондом личного потребления, часть фонда расширенного воспроизводства (стоимость прироста поголовья скота, расходы на приобретение нового инвентаря и т. п.), с суммой доходов колхозников от колхоза и приусадебного участка и заработной платой рабочих МТС и совхозов, которые представляют в основном только фонд личного потребления. Недобросовестность такого сравнения в особенности бросится в глаза, если учесть, что в первые годы

⁷¹ Н. Я с н о у. Указ. соч., стр. 419—420.

⁷² С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда, М., 1957, стр. 265, 266.

⁷³ С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 265—266.

	1926—1928 (средние)	1928	1937—1940 (средние) ²	1937
1. Индекс валового производства продукции сельского хозяйства (1913=100) ¹	121	124	126,5	134
2. Количество трудоспособного населения (в возрасте от 16 до 59 лет), занятого в сельском хозяйстве (в млн. чел.)	57,7 ⁴	58,8 ³	42,7 35,7 3,6	44,9 36,6 ⁵ 3,6 ⁷
Из них: колхозников . . .				
рабочих и служащих в МТС, совхозах и госхозах				
единоличников . . .			2,2	2,8 ⁸
членов семей рабочих и служащих, занятых в личном подсобном хозяйстве . . .			1,9	1,9 ⁶
3. Показатель производительности труда (1:2)	2,10	2,11	2,92	2,98
4. Рост производительности труда к 1926—1928 гг.	—	—	+39%	—
к 1928 г.	—	—	—	+41,2%
5. Рост производительности труда в общественном хозяйстве колхозов и совхозов по сравнению с единоличным хозяйством перед коллективизацией (1928 г.)	—	—	—	+68,0% ⁹

¹ «Народное хозяйство СССР» в 1958 г., стр. 350.

² Исчислено в границах СССР до 17 сентября 1939 г. Расчет трудоспособного населения, занятого в сельском хозяйстве, дается по данным переписи населения 1939 г. (См. «Вестник статистики» № 12, 1960, стр. 5—6) и отчетам колхозов за 1938 г. (См. «Социалистическое сельское хозяйство», № 12, 1939, стр. 62).

³ С. Г. Струмилин. На плановом фронте. М., 1958, стр. 450. Из количества сельскохозяйственного населения в рабочем возрасте (16—59 лет) вычтено количество работников, занятых в лесоводстве, рыболовстве и охоте.

⁴ Данные за 1926 г. определены исходя из численности сельского населения по переписи 1926 г. (См. «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928 г.», М., 1929, стр. 2).

⁵ Из количества всех, принимавших участие в работах в колхозах (40,7 млн. чел. См. «Колхозы во второй сталинской пятилетке», М., 1937, стр. 35), вычтено количество работавших в возрасте моложе 16 и старше 59 лет (определено ориентировочно по стат. сборнику «Производительность и использование труда в колхозах», М., 1937, стр. 126); число колхозников, занятых только в личном подсобном хозяйстве, определено по данным, опубликованным в журналах «Проблемы экономики» № 1, 1941, стр. 651 и «Социалистическое хозяйство», № 3, 1947, стр. 17—18.

⁶ Вычислено на основании данных о распределении населения, занятого в народном хозяйстве СССР и о численности рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР (см. «Народное хозяйство СССР в 1958 г.» (стр. 655, 656)).

⁷ См. «Вестник статистики» № 12, 1960, стр. 5—6.

⁸ См. «Проблемы экономики» № 2, 1940, стр. 49.

⁹ Вычислено на основе данных об удельном весе валового производства продукции в совхозах и колхозах во всем валовом сельскохозяйственном производстве. (См. «Социалистическое сельское хозяйство СССР», М., 1939, стр. 87), исходя из предположения, что производительность труда в 1937 г. в хозяйствах единоличников и в личном подсобном хозяйстве колхозников была такой же, как и в единоличных крестьянских хозяйствах в 1928 г.

колхозного строя сельское хозяйство переживало техническую реконструкцию, происходил рост капиталовложений, увеличение амортизационных отчислений и расходов на несельскохозяйственные материалы, и доля чистого дохода, которая шла на личное потребление, естественно, сократилась. К тому же Н. Ясный при исчислении доходов крестьянства снова занижает количество сельского населения в 1928 г. и завышает его численность для 1937—1938 гг.

Другая картина получится, если провести сравнение реальных доходов крестьянства в сопоставлении фондов их личного потребления. Вычисления показывают, что в 1940 г. фонд личного потребления сельскохозяйственных продуктов в расчете на одного работника, занятого в сельском хозяйстве, был примерно на 20% выше, чем в 1922 г. Душевое же потребление продуктов сельского хозяйства крестьянством в 1940 г. было примерно на 10% выше, чем в 1928 г.⁷⁴ Таким образом, потребление сельскохозяйственных продуктов крестьянством перед Великой Оте-

⁷⁴ Размеры потребления на одного работника и душевого потребления в деревне получены путем оценки основных сельскохозяйственных продуктов, остававшихся для потребления крестьянству в заготовительных ценах 1927/1928 гг. Физический объем этих продуктов определен, исходя из величины их валового производства за вычетом величины товарной части и количества продуктов, использованных в самом сельском хозяйстве (см. ст. сб. «Сельское хозяйство СССР», М., 1960; «Сельское хозяйство СССР

чественной войной было заметно выше, чем до коллективизации. Но это только сельскохозяйственных продуктов. Несравненно сильнее увеличилось за 1928—1940 гг. крестьянское потребление промышленных товаров личного пользования.

Показательным в этом отношении будет сопоставление величины сельского розничного товарооборота, приходившегося на душу сельского населения в 1928 г. и в 1940 г. Как вытекает из данных, опубликованных в советских статистических источниках, оборот сельской розничной торговли в расчете на душу населения, живущего в деревне, составлял в 1928 г. около 42 руб. В 1940 г. он равнялся 62 руб. в ценах 1928 г.⁷⁵, т. е. вырос, примерно, в 1,5 раза.

Можно возразить, что указанный рост достигнут за счет денатурализации части продуктов «крестьянского потребления». Денатурализация крестьянского потребления в период 1928—1940 гг. действительно имела место. К сожалению, отсутствие соответствующих сведений за 1940 г. не дает возможности более или менее точно определить ее размеры. Однако если даже предположить, что в 1940 г. произошла полная денатурализация промышленных товаров личного потребления крестьянина, все равно окажется, что колхозник получал больше промышленных товаров, чем крестьянин-единоличник. По нашим расчетам розничный товарооборот сельской торговли с учетом денатурализации при таком предположении в 1928 г. должен был составить 59,7 руб. против 62 руб. в 1940 г. на душу населения⁷⁶. Но в действительности и в 1940 г. крестьянское хозяйство производило значительное количество промышленных товаров личного потребления.

Насколько увеличилось в первые годы колхозного строя потребление крестьянством промышленных товаров личного пользования, можно судить по росту покупок одежды и обуви — важнейших изделий, приобретаемых крестьянином. В 1925/1926 гг. крестьянство приобретало в расчете на душу одежды и обуви на сумму 40,07 руб. (в ценах 1937 г.). В 1937 г. в семьях колхозников в расчете на душу покупалось этих товаров на сумму 88,9 руб. (в тех же ценах), т. е. в 2,2 раза больше. Если опять-таки предположить, что в 1937 г. произошла полная денатурализация крестьянского потребления обуви и одежды (чего, как

между XV и XVI партийными съездами», М., 1930; «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928», М., 1929; В. П. Нифонтов. Животноводство СССР в цифрах, М., 1932; «Справочник председателя колхоза», кн. I, М., 1956). Количество работников в сельском хозяйстве и численность населения, живущего на доходы от сельского хозяйства в 1928 г. и в 1940 г. (для последнего по территории СССР в современных границах), определена ориентировочно, исходя из данных о численности населения, связанного с сельским хозяйством, и числа работников в нем в 1928 г. (см. «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами», второе издание, М., 1931); данных о социальном составе и распределении населения СССР по роду занятий согласно переписи населения СССР 1939 г. (см. «Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.», М., 1961) и оценке численности сельского населения западных районов, вошедших в 1939—1940 гг. в состав СССР (см. «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», М., 1959).

⁷⁵ Исчислено из данных о размерах сельского товарооборота государственной кооперативной розничной торговли в расчете на душу деревенского населения (см. «Советская социалистическая экономика, 1917—1957», М., 1957, стр. 455) и величины оборота розничной частной торговли в 1928 г. (см. Стат. сб. «Народное хозяйство СССР», М., 1956, стр. 201). Величина розничного оборота частной сельской торговли определена ориентировочно, исходя из предположения, что доля сельского розничного оборота во всем розничном обороте частной торговли была такой же, как и в государственной и кооперативной торговле. Коэффициент для перехода от цен 1940 г. к ценам 1928 г. выведен из таблицы, опубликованной в книге Я. А. Кронрод. Общественный продукт и его структура при социализме (М., 1958, стр. 550).

⁷⁶ В своих расчетах мы исходили из предположения, что для учета денатурализации, величину сельского товарооборота в расчете на душу в 1928 г. надо увеличить на определенный коэффициент. По данным крестьянских бюджетов 1925—1926 гг., в крестьянском хозяйстве производилось около 30% всех промышленных товаров личного пользования (См. «Крестьянские бюджеты 1925/1926 г.», М., 1929, стр. 55—63). Поэтому указанный коэффициент равен, примерно, 43%.

отмечалось, в действительности быть не могло), и сопоставить стоимость купленной колхозниками в 1937 г. одежды и обуви в расчет на душу со всем душевым потреблением этих предметов крестьянством в 1925/1926 г. (т. е. купленными товарами плюс изготовленными в самом крестьянстве хозяйстве), то окажется, что и в этом случае крестьянское потребление обуви и одежды выросло за эти годы на одну треть⁷⁷.

Буржуазная пропаганда усиленно муссирует версию о «ножницах» цен, с помощью которых, по ее уверениям, советское государство, осуществляя социалистическую реконструкцию народного хозяйства, систематически снижало жизненный уровень крестьянства. Н. Ясный, например, ссылаясь на те же «ножницы», делает в своей книге «Социализированное сельское хозяйство СССР» совершенно фантастическое утверждение о том, будто колхозное крестьянство в 1937—1939 гг. покупало в два раза меньше товаров, чем до коллективизации. В другой своей работе «Советская система цен», он уверяет, что и эта оценка завышена, т. к., де основана на сопоставлении в ценах 1926/1927 г. Ведись вычисления в текущих ценах (т. е. в данном случае в ценах 1937 г.), результат был бы еще более неблагоприятным для социалистического сельского хозяйства⁷⁸. Приведенные данные показывают, что, при исчислении в текущих ценах, выводы мистера Ясного столь же «правдивы», как и его исчисления в неизменных ценах 1926/1927 гг.

Следует также отметить, что данные об увеличении потребления советским крестьянством товаров личного пользования в первое десятилетие колхозного строя еще не полностью отражают рост его реальных доходов. Вне поля нашего зрения остались те реальные выгоды, которое получало крестьянство от использования общественных фондов потребления (расходы на здравоохранение, народное образование, взятые на себя государством, а также выплаты по различным пенсиям и пособиям). Последние, как известно, возросли за годы первых пятилеток во много раз.

Из сказанного не вытекает, конечно, что быстрые темпы индустриализации и социалистических преобразований сельского хозяйства не имели своих издержек и не потребовали от советского крестьянства известных жертв. Но, во-первых, эти издержки и жертвы в конечном итоге не привели, как мы видели, ни к сокращению доходов крестьянства (которые выросли), ни к падению интенсивности сельскохозяйственного производства (которая тоже возросла), ни к уменьшению его объема⁷⁹.

Во-вторых, жертвы несло не только крестьянство. Их нес весь народ. Более того, в течение длительных промежутков времени доходы крестьянства увеличивались значительно быстрее, чем доходы трудящихся города. Так, среднегодовая заработная плата рабочих и служащих за 1932—1937 гг. выросла на 113,5%⁸⁰, а доходы колхозников на один двор — на 174%⁸¹.

⁷⁷ Исчислено по крестьянским бюджетам 1925/1926 и 1937 гг. (см. «Крестьянские бюджеты 1925/1926 г.», М., 1929, стр. 56—61; «Тяжесть обложения в СССР», М., 1929, стр. 131; «Плановое хозяйство», 1938, № 9, стр. 103). Цены на одежду и обувь в 1937 г. взяты из «Справочника цен на товары» (Ростов н/Д, 1937, стр. 11).

⁷⁸ N. Jasný. Указ. соч., стр. 703—704; см. также The Soviet Price System, Stanford, 1951. Приложение.

⁷⁹ Валовое производство продукции сельского хозяйства в 1937—1940 гг. лишь немного превышало уровень 1926—1929 гг. (см. табл. на стр. 205). Это объясняется сильным сокращением поголовья скота в результате ожесточенной классовой борьбы в годы массовой коллективизации, которое не удалось восстановить к 1941 г. Производство продукции земледелия в 1937—1940 гг. было значительно больше, чем в 1926—1929 гг.; среднегодовой индекс для него (в расчете для территории СССР до 17 сентября 1939 г.) был для 1937—1940 гг. равен 135, для 1926—1929 гг. — 115 (исчислено по статистическому сборнику «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 350 и статистическим сборникам Украинской, Белорусской, Латвийской, Литовской, Эстонской и Молдавской республик). Производство продукции земледелия увеличилось за указанное время и в расчете на душу населения.

⁸⁰ «КПСС в резолюциях...», ч. III, М., 1954, стр. 339.

⁸¹ «Социалистическое сельское хозяйство СССР», М., 1939, стр. 97.

В-третьих, надо учитывать тот факт, что годы социалистической индустриализации и социалистических преобразований сельского хозяйства знаменовали собой наступление новой эпохи в деревне. Буржуазное советование не в состоянии скрыть крупных успехов в механизации сельского хозяйства, достигнутых в нашей стране еще в период до Великой Отечественной войны, громадных изменений в культурном облике советского крестьянства. Так, реакционный западногерманский журналист и историк П. Сетте отмечает, что русский крестьянин, пересев с сохи на трактор, «проделал одним скачком путь, для совершения которого его западноевропейскому коллеге потребовались столетия»⁸². Американский буржуазный историк Д. Митрани, имея в виду противоречие между городом и деревней, существующее при капитализме, пишет: «Социализм оказался все же в состоянии разрешить конфликт, ликвидировав эксплуатацию и ускорив технизацию земледелия»⁸³. И действительно уже в 1940 г. около 80% пахоты в колхозах было поднято тракторами, а 46% урожая зерновых — убрано комбайнами и другими уборочными машинами⁸⁴. Об огромном прогрессе образования и здравоохранения в советской деревне в первое десятилетие существования колхозного строя вынуждены говорить почти все западные авторы, писавшие о социалистических преобразованиях, включая и таких поборников лживой теории «первоначального накопления», как В. Гофман, и таких откровенных недоброжелателей советской страны, как Н. Ясный. За 1927/1928—1940/1941 гг. количество школ в деревне увеличилось на 52%⁸⁵, а число учащихся в них — почти в 3 раза, причем количество учащихся в старших классах средней школы (8—10) возросло в 100 раз⁸⁶. В 1940 г. в сельских больницах было в 3,2 раза больше коек, чем в 1913 г. (когда положение в этом отношении не отличалось существенно от 1928 г.), на селе работало во столько же раз больше врачей и почти в 8 раз больше среднего медицинского персонала⁸⁷. В 1941 г. в деревне было почти в 7 раз больше массовых библиотек, чем в 1914 г., а количество книг в них увеличилось более чем в 15 раз⁸⁸.

Не кажется ли провозвестникам «аграрной колонизации», что коммунисты несколько своеобразно поступили со своей «внутренней колонией» — сельским хозяйством, «эксплуатировали» ее на несколько странный манер? И не очевидно ли, что сама эта «аграрная колонизация» на поверку оказывается не более, чем мифом?

Но приведенные выше данные еще не исчерпывают сути дела. Как известно, огромные возможности социалистического сельского хозяйства стали особенно проявляться за последние шесть-семь лет, когда были устранены и исправлены тяжелые ошибки в руководстве сельским хозяйством, допущенные в период культа личности Сталина, и проведен ряд важнейших мероприятий по дальнейшему развитию колхозного строя. Поэтому, если уж быть по-настоящему объективным и задаться целью сравнить результаты сельскохозяйственного производства в СССР до и после коллективизации, это надо делать, сопоставляя данные 1926—1928 гг. (когда единоличное мелкокрестьянское хозяйство дало максимум того, что оно могло дать) с соответствующими показателями 1954—1960 гг., а не 1932—1939 гг., как принято в буржуазной литературе.

В 1958—1960 гг. валовое производство сельского хозяйства увеличилось по сравнению с 1926—1928 гг. на 82% (население СССР за это

⁸² P. Sethe. A Short History of Russia, N. Y., 1956, p. 180.

⁸³ D. Mitraný. Marxismus und die Bauerntum. München, 1956, S. 96.

⁸⁴ См. «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 509.

⁸⁵ «Культурное строительство в СССР». Стат. сб., М., 1956, стр. 79.

⁸⁶ См. «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 814—815; «Сельское хозяйство СССР», М., 1960, стр. 486.

⁸⁷ «Сельское хозяйство СССР», М., 1960, стр. 498.

⁸⁸ Там же, стр. 487.

же время увеличилось, примерно, на 32%). В 1926—1928 гг. средние темпы роста валового производства продукции сельского хозяйства составляли, примерно, 2,8%. В 1954—1960 гг. средний ежегодный прирост валового сельскохозяйственного производства равнялся 6,4%⁸⁹. Таким образом, в последние годы сельскохозяйственное производство развивается в два с лишним раза быстрее, чем в доколхозной деревне.

Производительность сельскохозяйственного труда в единоличных хозяйствах вряд ли росла в 1926—1928 гг., так как объем производства продуктов сельского хозяйства увеличивался в общем пропорционально росту сельского населения. В 1953—1960 гг. производительность труда в колхозах увеличивалась в среднем каждый год более чем на 7,6%⁹⁰. В 1960 г. производительность труда в колхозном хозяйстве была, примерно, в 3 раза выше, чем в единоличном крестьянском хозяйстве в 1928 г.⁹¹. Столь большой рост производительности труда отражает гигантскую техническую революцию, происшедшую за годы колхозного строя в сельскохозяйственном производстве нашей страны. Курьезной в этом свете выглядит точка зрения некоторых «специалистов» по советскому сельскому хозяйству (Н. Ясного, И. Кэхэна и др.), считающих, что в условиях колхозной деревни механизация сельского хозяйства не может дать должного эффекта в силу самой природы колхозного строя.

Несравненно выросли за сопоставляемый период и крестьянские доходы. В 1960 г. реальные доходы крестьянства в расчете на одного работающего увеличились в 2,4 раза по сравнению с 1940 г.⁹², когда они, как мы уже видели, были выше, чем в 1928 г.

Так обстоит дело, если сравнить состояние сельскохозяйственного производства и доходов крестьянства в советской доколхозной и социалистической деревне на подлинно объективной основе. Не мудрено, что западное советоведение старательно избегает подобных сопоставлений.

* * *

Тридцать лет существования колхозного строя убедительно продемонстрировали его крепость и жизненность, преимущества социалистической системы земледелия перед капиталистической.

Жизненность и прогрессивность социалистических методов развития сельского хозяйства подтвердил и опыт производственного кооперирования крестьянства в странах народной демократии.

Даже наиболее враждебно настроенные по отношению к СССР буржуазные «исследователи» вынуждены сегодня признать неоспоримые достижения социалистического сельского хозяйства. «Темпы роста, даже приближающиеся по своей величине к этим (темпам роста советского сельского хозяйства — А. Б.) не наблюдались вообще и в сельском хозяйстве других стран, исключая периоды после предшествующего сильного падения», пишет Н. Ясный⁹³. А. Инкелес и Р. Бауэр, авторы клеветнической книги «Советский гражданин», говорят о «драматическом эффекте», который оказали постановления сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. и последующие партийные решения на рост сельскохозяйственного производства и увеличение материальной заинтересованности колхозников⁹⁴. Обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс»

⁸⁹ Исчислено по данным, приведенным в стат. сб. «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», стр. 362.

⁹⁰ Исчислено по данным стат. сб. «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», стр. 162.

⁹¹ Исчислено по «СССР в цифрах в 1960 г.», стр. 162 и исходя из расчетов, приведенных выше.

⁹² «Народное хозяйство СССР в 1960 г.», стр. 160.

⁹³ N. J a s n y. Soviet Agriculture, «Current History», vol. 34, N 197. Jan., 1958, p. 21.

⁹⁴ A. Inkeles and R. A. Bauer. The Soviet Citizen, Cambridge, Mass., 1955, p. 127.

Г. Сольсбери, анализируя развитие советского сельского хозяйства в последние годы, приходит к выводу, что «организация сельского хозяйства в России дает красным важное преимущество над сельским хозяйством многих европейских стран»⁹⁵.

Выступая с такими и подобными заявлениями, представители буржуазной науки, понятно, отнюдь не собираются признавать достоинства социалистических методов развития сельского хозяйства. Реакционное советоведение на Западе продолжает распространять свои старые измышления об «эксплуатации» советского крестьянства, «принудительном труде» в колхозах и тому подобный вздор.

Однако абсурдность такой позиции делается все более очевидной даже с точки зрения буржуазной науки. Те ее деятели, которые пытаются подойти к изменениям, происходящим за последние годы в мире, с более трезвых, более реалистических позиций, начинают постепенно понимать, что подобного рода выводы не соответствуют действительному положению вещей и потому не могут быть эффективным средством в борьбе с коммунистической идеологией.

В этой связи определенная часть буржуазных советоведов стала открыто выступать против укоренившихся в буржуазной историографии традиционных концепций и представлений о путях развития советского общества вообще и социалистического сельского хозяйства в частности.

«Я пришел к заключению,— пишет Р. Шлезингер, редактор английского журнала «Soviet Studies», одного из наиболее солидных изданий западноевропейского советоведения,— что ...неправильная интерпретация (развития) социалистического сельского хозяйства — А. Б.), как и во многих других случаях, есть следствие приверженности определенным надуманным схемам, которые препятствуют исследователю всесторонне рассматривать сложные явления, включая такие факты, которые не укладываются в схемы»⁹⁶.

Г. Сольсбери говорит о «фантастических» представлениях, имеющих хождение в западной литературе о советском сельском хозяйстве, и на первое место ставит «фантастический» взгляд, будто «русский крестьянин недовольный и подневольный работник». «Напротив,— пишет американский журналист,— они (колхозники) испытывают большую гордость за прогресс, достигнутый при их системе»⁹⁷. Английский экономист А. Ноув, вопреки распространенному в буржуазной историографии мнению, прямо заявляет, что «бедность народа не является частью коммунистической идеологии», и что, «напротив, коммунизм придает большое значение благосостоянию»⁹⁸. А. Ноув должен признать, делая правда тут же массу оговорок, что и в годы первых пятилеток, проводя индустриализацию и коллективизацию, партия также исходила из желания улучшить жизнь народа.

Конечно, подобного рода высказывания сопровождаются всевозможными домыслами о тенденциях дальнейшего развития колхозного строя и всего советского общества, толкованием вкривь и вкось мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства по подъему сельского хозяйства. Буржуазная наука в силу своей классовой природы неспособна на коренной пересмотр традиционных клеветнических «концепций» истории советского аграрного строя. Неоспоримо, однако, что обманывать зарубежного читателя ей становится все труднее.

⁹⁵ G. Salisbury. Another Look at Today's Russia, «U. S. News and World Report», Oct. 26, 1959, p. 98.

⁹⁶ «Soviet Studies», October 1959, p. 225.

⁹⁷ G. Salisbury. Указ. соч., p. 103.

⁹⁸ «Problems of Communism», Jan.—Feb., 1960, p. 8

